СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ЛИТЕРАТУР ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

УДК 82-14: 82-31(470.13) (092)

Т.Л. Кузнецова
Сыктывкар

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И.А. КУРАТОВА И ПРОЗА А. ЛУЖИКОВА*

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.1.11>

Исследуется связь творческого наследия крупнейшего коми поэта И.А. Куратова с прозой коми поэта А.М. Лужикова (1964–2006/2007). Выявлено, что прозу А. Лужикова с поэзией И. Куратова сближают особенности мироотношения; родство находит выражение в особенностях художественного мышления, текстообразования.

Ключевые слова: коми литература, литературные традиции, художественное текстотворчество, творчество коми поэта И. Куратова, творчество коми поэта А. Лужикова.

Kuznetsova T.L. Poetic heritage of I.A. Kuratov and prose of A. Luzhikov
Relation of creative heritage of the prominent Komi poet I.A. Kuratov with prose of the Komi poet A.M. Luzhikov is investigated (1964–2006/2007). Revealed that it is in peculiarities of their views on life; and expression in artistic thinking, and lexicology.
Key words: Komi literature, literary traditions, art lexicology, creativity of the Komi poet I. Kuratov, creativity of the Komi poet A. Luzhikov

* Публикация подготовлена в рамках проекта Комплексной программы УрО РАН 18–6–6–25 «Духовная культура и традиционные представления народов Европейского севера России (по данным языка, фольклора и литературы)».

К 180-летию крупнейшего коми поэта И.А. Куратова

Творчество И.А. Куратова (1839–1875) – особое эстетическое явление культуры не только коми, но и финно-угорских народов. Проживший короткую жизнь, опубликовавший при жизни всего пять стихотворений под видом народных песен, И. Куратов оставил поэтическое наследство, по уровню художественного мышления встающее в один ряд с развитой литературой XIX в. Впитавшая традиции русской и европейской культур*, поэзия И. Куратова представляет собой качественно новую ступень развития художественного сознания народа. «В 60-е гг. XIX в. И. Куратов со своим многоаспектным реалистическим художественным исследованием состояния коми общества, несомненно, вывел родную национальную литературу на самые передовые рубежи в регионе», – вполне справедливо отмечает удмуртский литературовед В.М. Ванюшев, рассматривая словесное художественное творчество народов Поволжья и Приуралья данного периода [Ванюшев, 1995, с.41].

Исследование творчества И. Куратова в связях с художественным опытом новейшей коми литературы способствует выявлению не только места, которое занимает духовное наследие великого И. Куратова в современной культуре, но и характерных черт художественной природы современного искусства слова. Одаренный, обладающий особым художественным видением, органично связанный с традициями мировой культуры, И. Куратов не из тех художников, чье творчество с легкостью рождает волну эпигонов; его талант – из породы редкостных, ярко индивидуальных. Несомненно, духовное наследие И. Куратова живет в памяти культуры, и, думается, художественные открытия новейшей коми прозы во многом подготовлены и его воздействием**. Мироощущение И. Куратова, глубоко драматично воспринимающего противоречия времени (ст. И. Куратова «Со бара пемыд лолын лоис» – Опять на душе темно, 1865; «Пемыд» – Тьма, 1865; «Пыж» – Лодка, 1860; «Висьём» – Болезнь, 1865; «Коми баллада», 1865; «Бара шог» – Опять тошно, 1866; «Турёб» – Пурга, 1866; «Сьёлём мывкыдӧс пыр венӧ» – Сердце всегда мой разум побеждает», 1865 и др.), родственно писателям конца XX – начала XXI в. – периода, когда апокалиптические предчувствия охватили общество [Кузнецова, 2000, с.112–113]. Не случайно близость с поэзией И. Куратова обнаружи-

И.А. Куратов

* Связи творчества И. Куратова с традициями мировой культуры освещены исследователями. Об этом: [Латышева, 1979, с. 82–90]; [Кузнецова, Латышева, 1986, с. 67–80]; [Ванеев, Вулих, 1986, с. 36]; [Демин, 1999, с. 9].

** О роли И. Куратова в формировании литературной традиции литературы коми: [Микушев, 1993, с.56, 60].

вает повесть наделенного незаурядным талантом коми поэта А. Лужикова «Измѳм синва».

А. Лужикова привлекала личность И. Куратова, он интересовался его поэтическим творчеством; И. Куратову посвящен ряд произведений А. Лужикова (ст. «Старовер моз ачымѳс ме сота ...» – Подобно староверу, сожгу себя, 1991); в некоторых его поэтических произведениях живет имя И. Куратова (ст. «И збыль мѳй сѳйѳ кадыс матын» – Неужели действительно это время близко, 1991; «Иван Куратов нимсянь» – От имени Ивана Куратова, 1989).

И збыль мѳй сѳйѳ кадыс матын,	Неужели действительно близко то время,
Кор кулас ловзыльѳм Куратов,	Когда умрет оживший Куратов,
И збыль мѳй вунѳдам ми ставѳн,	И неужели мы все забудем,
Мый вѳлис «Шондѳбан» да Савин, –	что были «Шондѳбан» и Савин*, –

приходит к горестным мыслям лирический герой А. Лужикова (ст. «И збыль мѳй сѳйѳ кадыс матын»).

Апокалиптические предчувствия, что во многом определяют картину мира, воссоздаваемую А. Лужиковым**, близки ощущениям И. Куратова. В сущности, в повести «Измѳм синва», органично связанной с его драмой «Ыджыд висьѳм» (Тяжелое заболевание, 1997), автор, напряженно размышляя о катаклизмах современности, проблемах бытийных, раздумывает и о назначении поэта, о его судьбе, о том, какой быть литературе. Главного героя повести А. Лужикова так же, как и лирического героя поэзии И. Куратова, влечет к себе непростой вопрос о природе художественного творчества (ст. И. Куратова «Менам муза» – Моя муза, 1866, «Кутшѳм коми виршьяс ...» – Какие коми вирши..., 1870; «Сылан, менам сылан» – Песня, моя песня, 1860; «Поэт», 1867; «Выль сыланкыв» – Новая песня, 1860 и др.). Герой произведения А. Лужикова остро ощущает, насколько тесно духовное состояние писателя связано с его творчеством. И горестные, насыщенные драматичными ощущениями раздумья героя повести А. Лужикова близки исканиям И. Куратова (стихотворения И. Куратова «Воклы» – Брату, 1867; «Кыдз быд морт вѳли ме поэтѳн» – Как всякий, был и я поэтом, 1962 и др.). Напряженное звучание монологов лирического героя И. Куратова, осмысливающего очень непростые отношения с миром, отчаявшегося найти с ним согласие***, словно оживает в повести А. Лужикова. Не случайно А.М. Семяшкин, отмечая связь поэзии А. Лужикова с творчеством И. Куратова, видит ее проявление в развитии мотивов тьмы и одиночества [Семяшкин, 2003, с.102–107]. В повести, которая имеет достаточно своеобразную композиционную форму (в ней сочетаются стихи, заметки из записной книжки, прозаический текст, диалоги, внешне не связанные), все же есть остов – это пульсирующая мысль главного героя, переживающего состояние мучительных раздумий. Видимо, имеет смысл вести речь о глубинном семантическом родстве поэзии И. Куратова и повести А. Лужикова. Характер лирического героя И. Куратова близок характеру героя повести А. Лужикова: не случайно герой повести – человек, занятый творческим трудом, – писатель, поэт.

* Здесь и далее перевод подстрочный автора статьи – Т. К.

** Об этом подробнее: [Кузнецова, 2009, с. 53–57].

*** Об отношениях лирического героя Куратова с миром также: [Кузнецова, 1992, с.67–72].

«Наследие» № 1 (14) (2019)

Оттого, что внимание автора приковано к сфере сознания героя, его внутреннему состоянию, мыслям и чувствам, создается впечатление, что повесть представляет собой монолог (при том, что состояние героя не всегда выражается непосредственно). Сомнения, что мучают, терзают героя повести, попытки решить неразрешимые проблемы, углубиться в непростой путь самопознания весьма близки лирическому герою И. Куратова (ст. И. Куратова «Пыж» – Лодка; «Со бара пемыд лолын лоис» – Опять на душе стало темно, 1865; «Õni sõмын ti! Me og!» – Сейчас только вы! Я – нет, 1987 и др.)

Если в поэзии И. Куратова нашли выражение очень непростые ощущения интеллигента, осмысливающего связи с миром, то повесть А. Лужикова (пожалуй, и в целом его творчество) – признания современника, в полной мере осознавшего катастрофичность мира. Герой повести А. Лужикова – человек также глубоко интеллигентный, его непрестанные раздумья проникнуты нравственными поисками; интеллектуальная деятельность составляет суть его натуры. Подобно лирическому герою И. Куратова, он ощущает необходимость в том, чтобы осмыслить основное предназначение человека и то, какое место он занимает в мире. И, обращаясь к вопросам бытийным, герой повести высок; это качество ему сообщает, видимо, одухотворенность. Раздумья героя повести обретают онтологическую значимость: произведение А. Лужикова философично. Достаточно глубокий образ, вынесенный в заглавие, – окаменевшие слезы – выражает скорбную и горестную мысль о необходимости осознать важнейшие жизненные ценности, углубиться в тернистый путь самопознания в драматичные, даже трагические периоды жизни. Для прозаического произведения А. Лужикова, как и для поэтического, характерны ёмкость образов и изолированность субъективных переживаний. Не случайно его произведение, имеющее весьма своеобразную композицию, облекается в форму исповеди (то, что произведение А. Лужикова – проза поэта, весьма немаловажно в восприятии повести как феномена художественного). Следует отметить, что в повести «Измѳ синва» весьма ощутимо субъектное начало; напряженные, терзающие героя духовные, нравственные поиски составляют нерв произведения. Накал чувств, тонких, имеющих звучание, подобное звукам натянутой струны, составляет стержень произведения (в данном случае, видимо, следует вести речь о мысли, проникнутой чувствами, и о чувствах, составляющих симбиоз с напряженной мыслью). Если обратиться к словам известного литературоведа Н.К. Гей, смыслообраз, рожденный А. Лужиковым, близок смыслообразу И. Куратова. «Художественность – синтез всех элементов содержания и формы в некое художественное целое, в произведение, даже – в Произведение как большой смыслообраз», – утверждает Н.К. Гей [Гей, 2001, с.284].

В повести А. Лужикова, как и в поэтическом произведении, напряжена пульсация мысли. Думается, образ окаменевших слез в повести А. Лужикова, имеющий глубокую семантику, во многом родственен явно звучащим в поэзии И. Куратова душевной боли, вечного одиночества: в мироощущении художников открывается вечное – то, что во все времена находит реципиента – единомышленника. Повесть А. Лужикова сближается с высокой классической литературой, творениями И. Куратова. Вполне закономерно, что произведение, обогащенное традициями мировой

культуры, обретает специфические черты. Если литературоведами Поволжья и Приуралья отмечено, что творчество коми Ю. Екишева, чуваша Г. Айги занимает особое место в родных литературах, то мы должны признать и то, что творения А. Лужикова освещены ярким талантом и органичная связь его творчества с традициями классической литературы играет не последнюю роль в отшлифовке природного дара [Ермакова, Ермаков, 2007, с.6, с.; Кузнецова, 2008, с.12]. Таким образом, исследование творчества И. Куратова в связях с художественным опытом новейшей литературы актуализирует весьма значимый для коми литературы конца XX – начала XXI в. вопрос – об уровне филологической культуры современных писателей.

Ассоциации с произведениями мировой культуры в повести А. Лужикова, которая близка в ощущении мира к постмодернизму, – не только возможность приобщиться к эстетике постмодернизма: художественный опыт мировой литературы органично живет в сознании современного мастера слова, и это обогащает его произведение, сообщая ему определенный уровень художественного осмысления. Он обращается к приему, выработанному эстетикой постмодернизма, о котором исследователи пишут, что «всякий текст сплетен из необозримого числа культурных кодов». Культурный «код» – «это перспектива множества цитаций, мираж, сотканный из множества структур; ... единицы, образованные этим кодом, суть не что иное, как отголоски чего-то, что уже было читано, видено, сделано, пережито: код является следом этого “уже”» [Барт, 1994, с.39], но органичная связь с традициями мировой литературы свойственна произведению талантливого коми поэта (как, впрочем, и его поэтическим произведениям). Неуловимое, порой необъяснимое, но ощутимое «слияние» с почвой мировой литературы характерно для творчества А. Лужикова (следует отметить, и близость к куратовскому тексту – явление той природы. Рассматривая повесть А. Лужикова, мы не наблюдаем реминисценций из И. Куратова: имеет место близость глубинная, которая не сводится к цитированию). Это придает его творениям особое качество (немногие произведения коми советской и постсоветской литературы им обладают) и сближает с произведениями И. Куратова: ведь художественное наследие И. Куратова – явление сугубо специфическое. Для художественных текстов данных авторов – И. Куратова и А. Лужикова – характерна смысловая насыщенность особого рода – то, что называют глубиной поэтической мысли. Вполне справедливо В.Н. Деминым отмечено, что И. Куратов «покоряет читателя прежде всего глубиной аналитической мысли» [Демин, 1999, с.9]. Смысловая сгущенность особого рода, концентрация мысли вкупе с тонкими, как оголенный нерв, ощущениями, характеризующая художественную специфику поэзии И. Куратова, оживает в повести А. Лужикова (следует отметить, что прозаическое произведение А. Лужикова во многом близко его поэзии). Думается, в формировании художественной семантики значимую роль играет и органичная связь одаренных художников с наследием мировой культуры. «Ощущение продуктивных токов подлинной словесности, ее духовной силы создается в результате неизменной органической включенности положительного потенциала цитируемых классических текстов в слово героев и самого автора, где они функционируют как весомый строительный материал в диалогическом процессе формирования смысла», – на наш взгляд, справедливо подмечено исследователями [Химич, 2003, с.206].

Мироощущение художников во многом родственно: далеко не случайно, что раздумья о смерти занимают значимое место в творчестве обоих авторов. Смерть в восприятии и И. Куратова, и А. Лузикова – состояние, в близости к которому обостряются экзистенциальные ощущения и появляется возможность осмыслить такие важнейшие, значимые понятия, как жизнь, уход в мир иной, ответственность перед обществом (ст. И. Куратова «Ой олём, олём...» – О жизнь, 1867; «Кулём» – Смерть; «Кулан водзвылын» – Перед смертью; «Кулалысь» – Умиравший, 1867 и др.)*. В восприятии героя повести А. Лузикова, в его сознании смерть физическая и духовная уравниваются. «Кодёс дзеби? – вирдыштис юрас, – КОДЁС?... КОДЁС? КОДЁС?» (Кого похоронил? – мелькнуло в голове, – КОГО?... КОГО? КОГО?) – пронзила героя ужасная мысль после похорон друга.

Сближает произведение А. Лузикова с поэтическим наследием И. Куратова и обнаженность особого свойства в обращении к вопросам, имеющим онтологическую значимость. Так, сквозь развитие сюжетной канвы прорываются напряженные размышления героя повести А. Лузикова в попытках отделить материальное, телесное от духовного. В осмыслении феномена смерти произведение А. Лузикова насыщается философичностью; в состоянии высокой скорби автор раздумывает о вопросах экзистенциальной значимости: «Онтологическая ситуация – такой фрагмент литературно-художественного текста, в котором описывается внешний мир и внутреннее состояние персонажа во время его пребывания наедине с собою, в тех обстоятельствах, когда в повествовании ставятся наиболее важные для автора (и персонажа) проблемы жизни и смерти, человека и природы, бытия, Бога. ... Особой разновидностью онтологической ситуации является ситуация смерти персонажа, имеющая свои структурные особенности» [Карпов, 2007, с.47].

Думается, сближает одаренных художников все же не семантическое сходство, близость тут более глубокая: их родство – в особенностях переживания жизни. Куратовское начало вкраплено в художественную ткань произведения, принадлежащего перу А. Лузикова. Это ощущается на протяжении всего повествования и обуславливает родственность их творений. Художественное мышление И. Куратова словно формирует тонкую вязь; особенности его поэтики определяет тонкая, порой контрастная связь явлений, деталей, отношений. Формирование связей происходит с особого рода изяществом (речь идет не о формальных признаках, а об отношении к миру). Данная особенность художественного мышления крупнейшего коми поэта связана и с ироничностью, что определяет мировосприятие поэта, ощущающего мир как вечные контрасты и дисгармонию (ст. «Ой олём, олём»; «Отпыр зэв мен дзугыль лоис» – Однажды стало мне очень тоскливо, 1867 и др.)*. Думается, именно данные особенности структурирования художественного текста позволили А.Е. Ванееву в размышлениях о своеобразии художественного метода первого коми поэта вполне справедливо отметить, что «определяющую черту поэзии Куратова составляет тончайшая ирония» [Ванеев, 1979, с.87].

Нечто подобное – тонкость особого рода в установлении связей – свойственно и манере письма А. Лузикова. Так, в частности, в поэтическом фрагменте, включенном в ткань повести А. Лузикова «Измём синва», читателем явно ощущается близость к И. Куратову в структурировании текста:

* Об этом подробнее: [Кузнецова, 1994, с. 7–8].

Висьтала пö тэд,
 Тöдны кутан мед,
 Кутшöм лoö нэмыд –
 югыд али пемыд;
 шогсьöмсö и гажсö,
 Аскисö и важсö;
 кутшöм сьöлöм – лолыд;
 мыйысь сылы долыд;
 кодi дорйö тэнö,
 увтыртö ли венö.
 Висьтала пö тэд,
 тöдны кутан мед.
 Ог пö висьтав тэд,
 он кут тöдны мед,
 Корджык, дoнa мортöй,
 тэла воас ортыд,
 кыдзи тай лoö,
 кöнi, кутшöм воö;
 адö или райö
 усян али каян,
 ов да бöрйы ачыд –
 усьны али качны.
 Ог пö висьтав тэд,
 он кут тöдны мед.

Скажу-ка тебе,
 Чтоб ты знал,
 Каков будет твой век,
 Светлый или темный:
 Тоску и веселье,
 завтрашнее и давнее,
 Какое твое сердце – душа;
 Кто защищает тебя,
 Унижает или побеждает.
 Скажу-ка тебе,
 Чтоб ты знал,
 Не скажу тебе,
 Чтоб не знал ты,
 Когда, дорогой мой человек,
 За тобой придет
 твой орт-двойник,
 Как это произойдет,
 Когда, в каком году;
 В ад или рай
 упадешь или вознесешься,
 живи и выбирай сам –
 Падать или возноситься.
 Не скажу тебе,
 чтоб ты не узнал.

Данный текст, в целом напоминающий куратовский, вызывает аналогии, в частности, со стихотворениями И. Куратова «Морт олöм» (Жизнь человека, 1857), «Кутшöм коми виршгяс...» (Какие коми вирши, 1870). Схожие интонации воссозданы с помощью особенностей форм отрицания, к которым прибегают поэты, – синтаксическим строением сложноподчиненных предложений с придаточными условия (ст. И. Куратова «Морт олöм»), придаточными цели, причины (поэтический раздел повести А. Лужикова), что содержат отрицание; особую роль играют повтор, перечисление. Данные факторы приобретают усилительное значение, воссоздавая напряжение чувств лирического героя. Ср.:

Оз кö меысь пет
 Гижысь и поэт,
 Борд пыдди ме босьта чер –
 Менам лоас сер.
 Оз кö меысь пет
 Некутшöм поэт,
 Мед оз пет и пöнöмар,
 Гöрдлысь, сöрысь, яр...

Если не выйдет из меня
 Писатель и поэт,
 Заместо пера возьму топор –
 У меня получится резьба.
 Если не выйдет из меня
 Никакой поэт,
 Пусть не выйдет и пономарь,
 Гогочущий, несущий вздор, ярый ...
 (Ст. И. Куратова «Морт олöм»)

Или

Кутшõм коми виршъяс
Сета тэныд рама?
Ода-õ Стефанлы,
Кодысь пышйõ Пама?
Эпос-õ, кызд Ягморт
Важõн овліс-вывліс,
Кепысь пõвнас йõзлы
Шонді тупкылывліс?

Какие коми вирши
Преподнесу тебе кротко?
Оду Стефану,
От которого убегает Пама?
Эпос, как Ягморт
Давно жил-поживал,
Рукавицей людям
Солнце иногда закрывал?
(Ст. И. Куратова «Кутшõм коми виршъяс ...»)

Важно, что близость к куратовской манере письма сохраняется в произведении А. Лужикова, в котором находят гармоничное единство прозаический и поэтический тексты: родство обусловлено не только применением идентичных приемов создания поэтической формы. В тексте «просвечивает» куратовское начало; видимо, все же особенности развития художественной мысли сближают тексты авторов, они определяют схожие эстетические свойства художественной ткани (оттого у читателя, знакомящегося с произведением А. Лужикова, возникают ассоциации с поэзией И. Куратова). Семантическая насыщенность, смысловая содержательность как характерные черты творчества данных авторов открываются, обнажаются именно в особенностях динамики движения художественной мысли. Глубины произведения А. Лужикова, открывающиеся читателю, сродни художественным открытиям, что приносит текст И. Куратова. Тонкость особого рода свойственна художникам в изложении мысли (это ощущение привносится и конструированием тонких связей и отношений, формирующих образы). Данное свойство художественных текстов талантливых художников необъяснимо соединено с тем обстоятельством, что их произведения обогащены духовным опытом мировой культуры.

Видимо, следует вести речь о генетически близких началах текстообразования данных авторов. Известно, что в этой сфере весьма значима роль интуитивных факторов, неподвластных рациональному объяснению. Исследователи абсолютно правы в утверждении, что «текстотворчество – загадка. От замысла до реализации, собственно реализация, текст – все это сложнее и во многом скрытый, необъяснимый процесс, в котором каждая составляющая – таинственна, а иногда кажется, что и непостижима» [Казарин, 2008, с. 15].

Итак, следует вести речь о сходстве эстетических свойств художественной ткани произведений двух одаренных авторов. Гармонично и естественно сближается художественная ткань произведений И. Куратова и А. Лужикова, и это обстоятельство говорит об их внутреннем, глубинном родстве – близости в ощущении мира.

Связь произведения одаренного художника современности с поэзией великого И. Куратова имеет не реминисцентный характер. Видимо, имеет место сходство в мироотношении авторов, которое получает воплощение в эстетически близких формах. Особую роль играет восприятие рецепиента. Связь с мировой культурой, питающая творчество И. Куратова и А. Лужикова, придает их текстам особый характер, сближая данных авторов. Видимо, данное обстоятельство также обуславливает специфику текстообразования, основывающуюся на тонких, неуловимых ассоциативных связях.

Литература

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издат. гр. «Прогресс», «Универс», 1994. – 615 с.
- Ванеев А.Е. Реализм Куратова в связях с концепцией реализма в эстетике русских революционных демократов // Межнациональные связи коми фольклора и литературы. – Труды ИЯЛИ № 21. Сыктывкар, 1979. – С.82–88.
- Ванеев А.Е., Вулих Н.В. Античность в творчестве И.А. Куратова. Сыктывкар, 1986. – 36 с. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР; Вып. 156.)
- Ванюшев В.М. Творческое наследие Г.Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья: Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1995. – 296 с.
- Гей Н.К. Категории художественности и метахудожественности в литературе // Литературоведение как проблема. М.: Наследие, 2001. – 301 с.
- Демин В.Н. И.А. Куратов и европейская поэзия. Сыктывкар, 1999. – 23 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 416.)
- Ермакова Г.А., Ермаков А.М. Слово Айги. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 372 с.
- Казарин Ю.В. Мастерская текста (книга о текстотворчестве). Екатеринбург: ИД «мАрАфон», 2008. – 296 с.
- Карпов И.П. Поэтика онтологической ситуации // Вестник Марийского государственного педагогического института. 2007, №4. – С.47–62.
- Кузнецова Т.Л. К вопросу о творческом методе И.А. Куратова (комическое как составная его поэтики) // Проблемы письменности и культуры. Чебоксары, 1992. – С.67–72.
- Кузнецова Т.Л. Комическое в коми литературе. Сыктывкар, 1994. – 73 с.
- Кузнецова Т.Л. Осмысливая пережитое... (Некоторые тенденции развития современной коми прозы) // Арт. 2000, №2. – С.112–122.
- Кузнецова Т.Л. О «другой» коми прозе // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции, 16–21 марта 2009 г. Уралистика. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С.53–57.
- Кузнецова Т.Л. Коми повесть конца XX – начала XXI в.: опыт художественных поисков. Сыктывкар, 2008. – 44 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 502.)
- Кузнецова Т.Л., Латышева В.А. Куратов – переводчик русских поэтов // Куратовские чтения. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. Т. 4, 1986. – С.67–80.
- Латышева В.А. И.А. Куратов – переводчик западной поэзии // Куратовские чтения. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – С.82–90.
- Микушев А.К. О специфике формирования коми литературной традиции // Вестник удмуртского университета. 1993, № 6. – С.53–64.
- Семяшкин А.М. Куратовские мотивы в поэзии А. Лужикова // И.А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения. Сыктывкар, 2003. – С. 102–107.
- Химич В.В. Литературность как смыслопорождающая среда в творчестве Михаила Булгакова // Текст. Поэтика. Стиль: Сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С.182–207.